

О достоинстве христианства и недостоинстве христиан

I

У Боккачио есть рассказ о еврее, которого друг его христианин хотел обратить в христианство. Еврей склонялся к принятию христианства, но для окончательного решения хотел съездить в Рим и там посмотреть на поведение папы и кардиналов, увидеть жизнь людей, стоящих во главе Церкви. Христианин, обращавший еврея в христианство, испугался и решил, что все его старания пропали даром, так как еврей, конечно, не пожелает креститься после того, как увидит все безобразия, которые совершаются в Риме. Еврей поехал и увидел лицемерие, растление, обжорство, корыстолюбие, которые в те времена господствовали при папском дворе среди римского духовенства. И вот результат этого испытания получился неожиданный. Еврей вернулся, и друг его христианин со страхом спрашивает о впечатлении от Рима. Ответ получился самый неожиданный и очень глубокий по своему смыслу. Если христианская вера могла выдержать все безобразия и мерзости, которые он видел в Риме, если несмотря на всё это она укрепилась и распространилась, то значит это истинная вера. Еврей окончательно стал христианином.

Что бы ни имел в виду сам Боккачио, но в рассказе этом указывается настоящий путь к защите христианства. Самое большее возражение против христианства — сами христиане. Христиане соблазняют тех, которые хотят вернуться к христианской вере. Этим аргументом против христианства особенно злоупотребляют в наше время. О христианстве судят по христианам в наш маловерный век, век широко распространенного неверия. В прежние века, в века веры, о христианстве судили прежде всего по его вечной истине, по его учению, по его заветам. Но наш век слишком поглощен человеком и человеческим. Плохие христиане заслонили собой христианство. Дурные дела христиан, их искажение христианства, их насилия более интересуют, чем само христианство, более бросаются в глаза, чем великая истина христианства. И о самом христианстве многие люди нашего века начинают судить по христианам и христианам ненастоящим, внешним, выродившимся. Христианство есть религия любви, но судят о ней по злобе и ненависти христиан. Христианство есть религия свободы, но судят о ней по насилиям, которые совершали христиане в истории. Христиане компрометируют христианство, соблазняют малых сих.

Нередко указывают на то, что представители других религий — буддисты, магометане, евреи — лучше христиан, лучше исполняют заветы своей религии. Указывают и на совсем неверующих, даже атеистов и материалистов, которые часто бывают лучше христиан, большими идеалистами в жизни, более способными на жертвы. Но ведь все недостоинство, вся низость многих христиан в том и заключается, что они не исполняют заветов христианства, изменяют им и извращают их. О низости христиан судят по высоте христианства, по несоответствию этой высоте. Как же можно осуждать христианство из-за недостоинства христиан, когда самих христиан осуждают за несоответствие достоинству христианства! Это есть явное противоречие в такого рода суждениях. Если последователи других религий нередко бывают лучше христиан, лучше исполняют заветы своей религии, то именно потому, что заветы других религий легче исполнить, вследствие исключительной высоты христианства. Легче быть магометанином, чем христианином. И если христианин будет таким, как магометанин, которого ставят в пример христианину, то он будет очень плохим христианином, не исполняющим заветов Христа. Труднее всего осуществить в жизни религию любви, но от этого сама религия любви не менее высока и истинна.

Христианство не виновато в том, что правду его не исполняют и не осуществляют в жизни. Христос не виноват в том, что заветы Его попирают. Верующие евреи, преданные своей вере, любят

указывать на то, что огромное преимущество еврейской религии — в исполнимости ее заветов. Еврейская религия более приспособлена к человеческой природе, более осуществима, более соответствует целям земной жизни и требует меньших жертв. Христианская религия — самая трудная, самая неосуществимая, наиболее противодействующая человеческой природе и требующая жертв непосильных. Представители еврейской религии считают христианство религией мечтательной, для жизни непригодной и потому вредной. Мы часто измеряем нравственные достоинства людей по их вере и по их идеалу. Если материалист по своему миросозерцанию оказывается хорошим человеком, преданным своей идее, способным для нее приносить жертвы, то он уже поражает своей высотой и его ставят в пример. Но христианину безмерно трудно стоять на высоте своей веры, своего идеала, ибо он должен любить врагов своих, нести крест свой, должен героически сопротивляться соблазнам мира, чего не должен делать ни верующий еврей, ни магометанин, ни материалист. Христианство направляет жизнь нашу по линии наибольшего сопротивления, жизнь христианина есть самораспятие.

II

Часто говорят, что христианство не удалось, не осуществилось в исторической жизни. И это считают аргументом против христианства. Не только христиане компрометируют христианство, его компрометирует история христианства, история Церкви. И нужно правду сказать, что чтение книг по истории Церкви может быть очень соблазнительным для маловерных, книги эти говорят о борьбе человеческих страстей и интересов в христианском мире, об извращении и искажении христианской правды в сознании грешного человечества, они нередко изображают историю церковной жизни очень похожей на историю государств, дипломатических отношений, войн и т.п. Внешняя история церковной жизни бросается нам в глаза и легко поддается изложению, о ней можно рассказывать в доступной для всех форме. Внутренняя же духовная жизнь Церкви, обращение людей к Богу, достижение святости, не так бросается в глаза, и о ней труднее рассказать, она остается как бы скрытой за внешней историей, задавленной ею. Люди легче замечают дурное, чем хорошее, более восприимчивы к внешней стороне жизни, чем к жизни внутренней. Мы легко узнаем о людях с внешней стороны, — как они занимаются торговлей или политикой, как ведут себя в жизни семейной или общественной. Но много ли мы думаем о том, как люди молятся Богу, как протекает их внутренняя духовная жизнь, их духовная борьба со своей греховной природой, как обращены они к миру божественному? Часто мы об этом ничего не знаем и даже не подозреваем о существовании духовной жизни у людей, с которыми встречаемся, или знаем только о людях близких нам, которых мы любим и к которым особенно внимательны. Во внешней жизни, раскрытой для всех, мы легко обнаруживаем действие греховных страстей. А какие за этой внешней жизнью скрыты борения духа, взлеты к Богу, мучительные усилия осуществить Христову правду, мы не знаем или не хотим знать. Нам заповедано не осуждать ближних, но мы постоянно осуждаем их по их внешним делам, по выражению лиц, не вникая в их внутреннюю жизнь.

И об истории христианского человечества нельзя судить по внешним делам, по человеческим грехам и страстям, искажающим образ христианства. Мы всегда должны помнить, что пришлось преодолевать христианским народам в их истории, с каким мучительным трудом нужно было им побеждать свою ветхую греховную природу, свое исконное язычество, свое древнее варварство, свои полужвериные инстинкты. Христианству приходилось перерабатывать материю, которая оказывала страшное сопротивление христианскому духу. Нужно было воспитывать в религии любви тех, которые полны были инстинктов насилия и жестокости. Христос пришел спасти больных, а не здоровых, грешников, а не праведников. И род человеческий, принявший христианство, есть больной и грешный

род. Церковь Христова совсем не призвана к внешней организации жизни и к внешней, насильственной победе над злом. Она ждет всего от внутреннего, духовного перерождения, от взаимодействия человеческой свободы и божественной благодати. Христианство по природе своей не может насильственно уничтожить радикальное зло человеческой природы, оно признаёт свободу человека.

Социалисты-материалисты особенно любят говорить о том, что христианство не удалось, не осуществило Царства Божьего на земле. Вот уже скоро две тысячи лет, как в мир пришел Искупитель и Спаситель мира, а зло продолжает существовать в мире и даже еще увеличилось, мир корчится в муках, страдания жизни несколько не уменьшились от того, что спасение совершилось. Социалисты-материалисты обещают без Бога и без Христа осуществить то, что не удалось осуществить христианству, — братство людей, правду в социальной жизни, мир, Царство Божие на земле (и люди в Бога не верующие иногда любят употреблять выражение «Царство Божье на земле»!). Единственный опыт реализации материалистического социализма, который мы знаем, — опыт русский, не подтверждает этой претензии. Но не этим фактом решается этот вопрос принципиально. Обещание материалистического социализма осуществить правду на земле, устранить зло и страдание, основано на том, что осуществление это совершится не через человеческую свободу, а через насилие над человеческой свободой, осуществится путем внешней, принудительной социальной организации, которая должна сделать зло внешне невозможным, путем социального принуждения людей к добродетели, к добру и правде. В этом огромная разница с христианством.

Так называемая «неудача христианства в истории» есть неудача, связанная с человеческой свободой, с сопротивлением человеческой свободы Христовой правде, сопротивлением злой воли, которую внешне обуздать и принудить к добру христианская религия не считает возможным, не хочет в силу того, что сама христианская правда предполагает свободу и ждет внутренней, духовной победы над злом. Государство может внешне и насильственно полагать предел проявлению злой воли и оно призвано к этому, но этим путем не побеждается внутреннее зло и грех. Подобного вопроса не существует для материалистического социализма, для него не существует самого вопроса о зле и грехе, о внутренней духовной жизни, для него существует лишь вопрос о страдании и социальной несправедливости, о внешней социальной организации жизни.

Бог не хочет насилловать, не хочет внешнего торжества правды, хочет свободы человека. Поэтому можно было бы сказать, что Бог терпит зло, не уничтожает его насильственно, а лишь пользуется злом для целей добра. Именно Христова правда не может быть насильственно осуществлена. Коммунизм хочет осуществить свою правду путем насилия, отрицает свободу духа, потому что отрицает дух, и потому ему легче осуществить эту правду. Вот почему несостоятелен аргумент против христианства, основанный на неудаче христианства в истории. К Царству Божьему нельзя принудить, нельзя осуществить его без духовного перерождения, которое всегда предполагает свободу духа. Христианство есть религия Креста, оно признаёт смысл страдания. Христос призывает нас взять свой крест и нести его, нести тяготу и бремя, грешного мира. Осуществление Царства Божьего на земле, земного счастья и земной справедливости без креста и страдания есть великая ложь для христианского сознания, есть один из соблазнов, отвергнутых Христом в пустыне, когда Ему показано было Царство мира сего и предложено поклониться ему. Христианство совсем и не обещает необходимого своего осуществления и торжества на земле. Христос даже сомневается, найдет ли веру на земле, когда придет в конце времен, предсказывает оскудение любви. Л. Толстой думал, что легко осуществить заповеди Христа, что достаточно для этого лишь осознать их истинность. Но это была ошибка его слишком рассудочного сознания, для которого была закрыта и тайна свободы, и тайна благодати, это был оптимизм, противоречащий глубокой серьезности и трагичности жизни. Апостол Павел говорит: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которое не хочу, делаю. Если

же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим. 7:19-20). Вот свидетельство величайшего из христиан, который открывает нам глубину человеческого сердца. Отсюда понимаем мы, что «неудача христианства» есть человеческая неудача, а не Божья неудача.

III

Христианское человечество в своей истории совершило тройкую измену христианству. Сначала оно извращало христианство и плохо его осуществляло, потом оно совсем отпало от христианства и, наконец, что было самой большой низостью, оно начало проклинать христианство за то дурное, что оно само делало в христианской истории. Когда критикуют христианство, то критикуют грехи и пороки христианского человечества, критикуют извращение и неисполнение Христовой истины человеком. Вот из-за этих-то человеческих грехов, пороков и извращений и отпали от христианства. Тот же человек извращает христианство, а потом восстает против этого извращения, как против самого христианства. В словах Христа, в Христовых заветах, в Священном Писании и Священном Предании, в учении Церкви, в жизни святых, вы не найдете всего того, против чего возражают критики христианства. Нужно сопоставлять идеальный принцип с идеальным принципом, реальный факт с реальным фактом. Можно защищать и коммунизм, указывая на то, что на практике он плохо осуществлен и извращен, подобно тому, как и христианство на практике очень плохо осуществлялось и искажалось. Коммунисты проливают кровь, насируют, лгут для осуществления своих целей. Но и христиане много проливали крови, насиловали и лгали для осуществления своих целей. Уравнивать на этом основании коммунизм и христианство было бы очевидной ошибкой.

В Евангелии, в заветах Христа, в учении Церкви, в образах святых, в совершенных осуществлениях христианства вы найдете благую весть о пришествии Царства Божьего, призыв к любви, к кротости, к самопожертвованию, к служению ближнему, к чистоте сердца, и не найдете призывов к насилию, к злобе, к мести, к ненависти, к корысти. У Маркса, вдохновившего коммунизм, в самой его теории, в его идеологии вы найдете призывы к насилию, к злобной ненависти одного класса к другому, к мести, к корыстной борьбе за свои интересы, и ничего не найдете о любви, самопожертвовании, кротости, духовной чистоте. Христиане в истории и насиловали, и злобствовали, и мстили, и проявляли корысть. Они нередко прикрывались именем Христа, но никогда в этом случае не исполняли заветов Христа. Противники христианства любят указывать на то, что христиане так часто прибегали к кровавым насилиям для защиты и распространения христианской веры. Факт сам по себе бесспорен, но доказывает он лишь то, что христиане были полны страстей, что природа их не была просветлена, что своей греховностью они искажали самое правое и святое дело и не понимали, какого они духа. Когда Петр, желая защитить Иисуса, извлек меч свой, и ударив раба первосвященника, отсек ему ухо, то Иисус сказал «Возврати меч свой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Матф. 26:51–52).

Божественная истина христианства воспринимается людьми, она преломляется в греховной природе человека, в ограниченном его сознании. Христианское откровение и христианская религиозная жизнь, как впрочем и всякое откровение и всякая религиозная жизнь, предполагают не только бытие Бога, но и бытие человека. И вот человек, хотя и просветляется светом благодати, исходящей от Бога, но самый свет Божий принимает сообразно устройству своего духовного глаза, налагает на Божественное откровение границы своей природы, своего сознания.

Бог открывал себя еврейскому народу и об этом рассказано в Библии. Но гнев, ярость, ревность, месть, которые проявляет Бог-Ягве в Библии, не являются свойствами Бога, взятыми в Его внутренней природе, а являются лишь образом Бога, преломленным в сознании еврейского народа, способом

восприятия Бога народом, которому так свойствен был гнев, ярость, ревность, месть. Христианская истина не только ограничено воспринималась людьми, но и извращалась. Извращалось людьми и учение о Боге, Которого нередко представляли себе восточным деспотом, самодержавным монархом, и учение об искуплении, которое представляли себе решением судебного процесса, возбужденного обиженным и разгневанным Богом против человека за нарушение Его воли. И это извращенное, человечески ограниченное понимание христианских догматов вело к отпадению от христианства. Извращали и самое понятие Церкви. Церковь понимали внешне, отождествляли ее с иерархией, с обрядом, с грехами христиан-прихожан, видели в ней прежде всего учреждение. Более глубокое и внутреннее понимание Церкви, как духовного организма, как мистического тела Христова (определение апостола Павла) отодвигалось на второй план, было доступно немногим. Литургию, таинство воспринимали как внешний обряд и относились к нему как к обряду. Глубокий, таинственный смысл литургии оставался скрытым для внешних христиан. И потому легко уходили из Церкви, соблазняясь пороками духовенства, недостатками церковных учреждений, слишком похожих на учреждения государственные, внешним отношением к вере прихожан, лицемерием показного благочестия.

Всегда нужно помнить, что в Церкви есть божественная и есть человеческая сторона, что жизнь Церкви есть богочеловеческая жизнь, взаимодействие Божества и человечества. Божественная основа Церкви — вечна и непогрешима, свята и чиста, она не может быть искажена, и врата адовы не одолеют ее. Божественная сторона Церкви — сам Христос, Глава Церкви, евангельское нравственное учение, основные начала нашей веры и догматы Церкви, таинства, действие благодати Духа Святого в Церкви. Но человеческая сторона Церкви погрешима и изменчива, в ней, в самом церковном человечестве могут быть извращения, болезни, упадок, охлаждение, как может быть и творческое движение, развитие, обогащение, возрождение. Грехи церковного человечества, церковной иерархии не являются грехами Церкви, взятой в ее божественной сущности, и нисколько не умаляют святости самой Церкви. Христианство сопротивляется человеческой природе, требует ее просветления и преображения, и человеческая природа сопротивляется христианству, пытается исказить его. Происходит постоянная борьба между божественным и человеческим, в которой то божественное просветляет человеческое, то человеческое искажает божественное. Христианство возвышает человека, ставит его в центре мира. Сын Божий стал человеком, вочеловечился и этим освятил человеческую природу. Христианство указывает человеку высшую цель жизни, говорит о высшем происхождении человека и высшем его назначении. Но христианство в отличие от многих других учений не льстит человеческой природе в ее греховном, падшем состоянии, оно требует от человека героического самопреодоления.

Человеческая природа, пораженная первородным грехом, очень маловместительна. Она с трудом вмещает божественную истину христианства, с трудом понимает богочеловеческую правду, возведенную явлением Христа-Богочеловека. Христос учит любить Бога и любить ближнего, человека. Любовь к Богу и любовь к человеку, к живому человеческому существу, связана между собой неразрывно, — через Бога, через Единого Отца любим мы ближних, братьев наших, и через любовь к братьям, к ближним открывается нам и любовь к Богу. «Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас» (1Ин. 4:12). Христос был Сын Божий и сын человеческий, и Он открыл нам совершенное соединение Бога и человека, открыл человечность Бога и божественность человека. Но природный человек с трудом воспринимает эту полноту бого-человеческой любви. Он воспринимает Истину по частям, поворотами. То он поворачивается к Богу и отворачивается от человека, он готов любить Бога, но к человеку относится с нелюбовью, с равнодушием, с жестокостью. Так было в средние века. То он поворачивается к человеку, готов любить человека и служить ему, но отворачивается от Бога и враждует против самой идеи Бога, как вредной и противной благу людей. Так было в новое время, в

гуманизме, в гуманистическом социализме. И разорвав богочеловеческую истину, оторвав любовь к человеку от любви к Богу, люди нападают на христианство, обвиняют христианство в том, в чем сами виноваты.

IV

Нетерпимость, фанатизм и жестокость, которые нередко проявляли христиане в истории, и были следствием неспособности человеческой природы вместить полноту христианской истины о любви и свободе. Человек усвоил себе часть христианской истины и помешался на ней, полнота же истины, полнота света оказалась доступной лишь немногим. Человек обладает способностью всё исказить, самую высокую истину, и делать ее орудием своих страстей. Даже апостолы, находившиеся около самого Божественного Учителя, в лучах света, исходившего от Его Личности, и те исказили христианство, истину Христову понимали слишком страстно, слишком по-человечески, вносили повсюду ограниченность своего еврейского мирозерцания.

Когда нападают на христианство средних веков, укоряют христианскую веру кострами инквизиций, насилиями над совестью, фанатизмом и нетерпимостью, жестоким отношением к человеку, то вопрос ставят неверно и обыкновенно не понимают с достаточной отчетливостью, что говорят. Нападение на средневековое христианство, основанное на констатировании несомненных фактов, хотя иногда и преувеличенном, совсем не есть нападение на христианство, а есть нападение на средневековых людей, на христиан, а не на христианство. Люди в конце концов на самих же себя и нападают. Средневековому католичеству свойствен был ложный теократический принцип, согласно с которым Церковь мыслилась слишком схожей с государством, и папам приписывалась власть над миром. Но не католическая Церковь повинна в средневековой жестокости и нетерпимости, а варварская природа человека. Мир средневековый был варварский мир, полный жестокими и кровавыми инстинктами. Церковь пыталась организовать этот варварский мир, склонный к анархии, смягчить его жестокие инстинкты, христианизировать его. Но это всегда удавалось Церкви лишь отчасти, так как сопротивление непросветленной человеческой природы было слишком велико.

Средневековый мир формально считался христианским, но по существу был полухристианским, полуязыческим. В этом было повинно не христианство, которое не могло ведь насильно сделать мир христианским. Сама церковная иерархия в массе своей была греховной, вносила в жизнь Церкви человеческие страсти, была властолюбива и нередко извращала Христову Истину. Но в этом опять-таки не сама Христова Истина была повинна,— и это была вина христиан, а не христианства. Божественная основа Церкви оставалась нетронутой, неискаженной людьми и просветляющей людей. Евангельский голос Христа звучал с прежней чистотой. Без Церкви, без христианства, варварский и жестокий средневековый мир захлебнулся бы в крови, духовная культура погибла бы окончательно. Ведь античная, греко-римская культура в высших своих достижениях была сохранена Церковью и передана новому времени. Единственные ученые, философы, культурные люди средневековья были монахи. Благодаря христианству мог образоваться и тип рыцаря, в котором были смягчены и облагорожены варварство и грубость. Да и само природное варварство средневекового человека иногда было лучше механичности современного цивилизованного человека.

Такова правда и о католической Церкви, несмотря на то, что в самой организации Церкви и в богословском учении с православной точки зрения были допущены ошибки и извращения. Православная же Церковь не знала инквизиции, не знала такого рода насилий в делах веры и совести, не свойствен был ей фанатизм. Насилия у нас исходили главным образом от государственной власти. И исторический грех

православной Церкви (с ее человеческой стороны) был в ее слишком большой подчиненности государственной власти. Человеческие грехи и извращения были и в католической, и в православной Церкви. Но недостатки христианства в мире были всегда недостатками христиан, недостатками человеческими, а не Божьими, неудача христианства была неудачей человеческой, а не Божией. Если вы не осуществляете правды и искажаете правду, то виноваты вы, а не правда.

Люди требуют себе свободы, не хотят, чтобы их принуждали к добру. А за последствия безмерной свободы, данной им Богом, они обвиняют Бога. Кто же виноват в том, что жизнь человеческая наполнена злом? Христианство ли виновато, Христос ли виноват? Христос никогда не учил тому, за что христианство критикуют, не любят и отвергают. Если бы люди следовали за тем, чему учит Христос, то не было бы в христианском мире того, за что против христианства восстают.

У Уэльса есть где-то диалог между людьми и Богом. Люди жалуются Богу, что жизнь полна зла и страданий, войн, насилий и пр., что она становится невыносимой. Бог отвечает людям: вам это не нравится, так не делайте этого. Этот удивительный по простоте разговор очень поучителен. Христианство существует в мире при страшном сопротивлении сил зла, оно действует в темной стихии. Не только зло человеческое, но и зло сверхчеловеческое сопротивляется христианству. Против Христа и Его Церкви восстают силы ада. И эти силы ада действуют не только вне Церкви и христианства, но и внутри Церкви и христианства, чтобы Церковь разлагать и христианство извращать. Мерзость запустения есть на месте святом, но от этого оно не менее свято, оно еще более светится. Если бы люди имели духовную зрячесть, то они наверное увидели бы, что, извращая христианство, изменяя христианству и проклиная христианство за то дурное, в чем не христианство повинно, они распинают Христа. Христос вечно проливает свою кровь за грехи мира, за грехи тех, которые Его отвергают и распинают. Об истине нельзя судить по людям, да еще по худшим из людей. Нужно посмотреть прямо в лицо Истине и увидеть исходящий от нее свет. В людских же отражениях об Истине нужно судить по лучшим, а не худшим, о христианстве нужно судить по апостолам и мученикам, подвижникам и святым, а не по огромной массе полухристиан, полуязычников, которые всё делают, чтобы исказить образ христианства в мире.

Два великих испытания были посланы христианскому человечеству в мире — испытание гонением и испытание торжеством. Первое испытание, испытание гонением, христиане выдержали и дали образы мучеников и героев. Христиане выдержали его в самом начале существования христианства, когда они подверглись гонению со стороны римской империи, они выдерживают его и в наши дни, когда в России подвергает гонению христиан коммунистическая власть. Но много труднее выдержать испытание торжеством. Когда император Константин склонился перед Крестом и христианство стало религией господствующей, государственной, тогда начался длинный период испытания торжеством. И это испытание христиане выдержали не так хорошо, как испытание гонением. Христиане нередко сами превращались из гонимых в гонителей, соблазнялись царством мира сего, господством над миром. Тут и внесли христиане те искажения христианства, которые стали предметом обвинения против него. И христианство опять-таки не виновато в том, что люди не сумели вынести радости его торжества в мире и торжество это превратили в искажение самого образа христианства. И еще раз был распинаем Христос теми, которые почитали себя Его слугами на земле, и не понимали, какого они духа.

V

Люди нашего времени, далеко ушедшие от христианства, часто думают, что христианская Церковь должна состоять из людей совершенных, из святых, и осуждают Церковь за то, что в ней столько людей грешных, несовершенных, столько плохих христиан. Но это есть непонимание природы Церкви, забвение

ее сущности. Церковь и существует прежде всего для грешников, для несовершенных, для погибающих. Церковь всегда нисходит в грешный мир и действует среди стихий мира, погруженных в грех. Церковь — небесная по своему происхождению и вечная по своей основе, но она действует на земле и во времени, она не остается на высотах, вдали от грешного мира, корчащегося в муках, она прежде всего должна помочь этому миру, спасти его для вечной жизни, поднять его до неба. Сущность христианства в соединении вечности и времени, неба и земли, божественного и человеческого, а не в отделении от времени, от земли, от человеческого. Временное, человеческое должно быть не отрицаемо и отвергнуто, а просветлено и преображено.

В первые века христианства было сектантское движение в Церкви — так называемый монтанизм, который утверждал, что Церковь состоит исключительно из совершенных и святых, и требовал извержения из Церкви грешников и несовершенных. Церковь для монтанистов была общиной людей, получивших особые дары Духа Святого. Таким образом большая часть грешного христианского человечества оказывалась вне Церкви. Подлинное церковное сознание осудило монтанизм и утвердило понимание Церкви, как Церкви спасающихся грешников. Святые являются оплотом и опорой Церкви, но не из них только состоит Церковь, к ней принадлежит человечество во всех ступенях совершенства, человечество, спасающееся от грехов. Церковь на земле есть Церковь воинствующая, борющаяся со злом и грехом, но не прославленная еще. Христос сам был с мытарями и грешниками и Его осуждали за это фарисеи. И Церковь Христова должна быть подобна Христу, она не может быть только с чистыми и совершенными, она прежде всего должна быть с погибающими. Христианство, признающее одних чистых и совершенных, было бы христианством фарисейским. Сострадание, снисхождение, милосердие к ближним со всеми их грехами и несовершенствами, есть дело христианской любви, есть требование христианского совершенства. Осуждение христианства за ту земную грязь, которая прилипла к Церкви в ее историческом пути, есть фарисейство. Да и вряд ли сами осуждающие так уж чисты и совершенны.

Монтанизм есть пример ложного максимализма в христианстве. Но такого рода максимализм обнаруживает свою нехристианскую природу, он всегда есть недостаток любви и духовная гордость, есть ложный морализм. Ложь максимализма заключается в том, что вы ставите максимальные требования не себе, а другим людям. Вы осуждаете других людей за то, что они не осуществили максимальной чистоты, совершенства, святости, сами же этой максимальной чистоты, совершенства, святости и не думаете осуществлять. Те же, которые действительно достигали максимального совершенства и святости, обыкновенно не осуждали других. Святые, старцы очень снисходительны к людям. Максимальные требования нужно ставить прежде всего себе, а не другим. Максимальные требования к другим есть обыкновенно лицемерие и фарисейство. Христианство есть религия любви и оно соединяет в себе суровость, строгость, максимальную требовательность прежде всего к себе, со снисходительностью, милосердием и мягкостью в отношении к ближним. Те же, которые осуждают христианство на основании грехов христиан, совсем не хотели бы сами осуществлять высшие требования христианства, даже и не пробуют это делать. Для современных людей эти осуждения являются лишь предлогом для выражения их вражды к христианству и для оправдания их измены христианству. Они прикрываются фальшивым морализмом.

Христианство в этом отношении очень отличается от толстовства, которое есть отвлеченный морализм. Л. Толстой радикально и жестко критикует так называемое историческое христианство, и часто критика его бывает фактически справедлива. Л. Толстой говорит, что христианство исповедовали как отвлеченное учение, и не осуществляли его в жизни, не исполняли заветов Христа. Для него самого христианство исчерпывалось нравственным учением Христа, заповедями Христа, вся же таинственная, мистическая сторона христианства была ему непонятна и противна. Он думал, что всё зависит от

истинного сознания и что легко осуществить то, что создано. Если сознать истинный закон жизни, закон Хозяина жизни, т.е. Бога, то в силу этого уже легко будет его осуществить. Л. Толстой не признавал свободы человека и не чувствовал зла, заложенного в глубине человеческой природы. Зло для него всегда было последствием ложного сознания, ошибочного понимания жизни. Он видел источник зла в сознании, а не в воле, не в свободе. Поэтому для победы над злом он не нуждался в помощи Божией, в благодати, ему нужно было только изменение сознания.

Для Л. Толстого Иисус Христос не был Искупителем и Спасителем, Он был великим учителем жизни, глашатаем жизненных правил, нравственных заповедей. И Л. Толстому казалось, что осуществить христианство в жизни легко, что легче жить по закону любви, чем по закону ненависти, как живет мир, что это просто, выгодно и умно. Он говорит, что Христос учил не делать глупостей. Христианство не осуществлялось в жизни, заповеди Христа не исполнялись, потому что мешало ложное богословское учение, направлявшее всё внимание на самого Христа, возлагавшее всё на совершенное Им искупление, на Божию благодать. И Л. Толстой грубо обрушивается на церковное христианство. Он прав, когда требует сердечного отношения к христианству, когда призывает к осуществлению заповедей Христовых в жизни, но он страшно заблуждается, когда думает, что это сделать легко, что для этого нужно лишь верное сознание и что это можно сделать без Христа Спасителя, без благодати Духа Святого. Л. Толстой легко требует от людей максимализма в осуществлении заповедей Божиих и впадает в ложный моральный максимализм. Самому ему не так легко было осуществить в жизни учение, которое он исповедовал, он не мог этого сделать до самой смерти, и потому лишь перед самой смертью он ушел из своей семьи, стал странником всего на несколько дней.

Учение Л. Толстого и его жизненный путь очень поучительны для нашей темы. Л. Толстой осуждал не христианство, которое было до него, и считал истинным только свое собственное христианство. Он осуждал большую часть людей за безнравственность, за то, что они не отказываются от своей собственности, не занимаются физическим трудом, едят мясо, курят и пр. Но он не в силах был осуществить нравственный максимализм в своей жизни. Любовь для него превратилась в безблагодатный закон и в источник осуждения. У Л. Толстого была большая критическая правда, и он много верного сказал о грехах христианского мира, грехах христиан. Он справедливо изобличал нехристианский характер общества и культуры. Но самого христианства он не увидел за христианами, проглядел его из-за грехов, несовершенств, извращений христиан. Гордость разума помешала ему стать внутренне христианином, он не принял внутрь себя Христа, Христос остался для него внешним учителем жизни. Л. Толстой был гениальным человеком, и велико в нем было искание Божьей Правды. Но огромное количество людей, не обладающих ни его гениальностью, ни его жадой Божьей Правды, осуждают с христианами и само христианство, не пытаясь в жизни осуществить никакого совершенства, не болея вопросом о смысле и оправдании жизни.

VI

Ложь думать, что легко осуществить заветы Христа, и что христианство не истинная религия, потому что христиане плохо осуществляли заветы своей религии. Но не меньшая, еще большая ложь думать, что не нужно и пытаться осуществлять христианство во всей полноте жизни, что не нужно и стремиться к совершенству, подобному совершенству Отца Небесного, так как все равно первородный грех не допустит осуществления совершенства. В каждое мгновение своей жизни христианин должен стремиться к совершенству, подобному совершенству Отца Небесного, к Царству Божьему. Вся жизнь христианина должна стоять под этим знаком. Ищите прежде всего Царства Божьего, и всё остальное

приложится вам. Нельзя парализовать волю к совершенству, к правде Божьей, к Царству Божьему на том основании, что человеческая природа греховна, и что все равно совершенство на земле недостижимо. Человек должен осуществлять Божью правду, независимо от того, осуществится ли она в полноте жизни. Пусть очень немногие осуществляют правду Христову, пусть человек осуществляет ее лишь в один час своей жизни, от этого не менее она должна осуществляться. Если постоянные укоры людей за то, что они не осуществляют христианства и жизни, переходящие в отрицание самого христианства, есть лицемерие, то не меньшее лицемерие есть и отказ от осуществления правды Христовой на том основании, что все равно она неосуществима. Истинный путь и есть усилие осуществить правду Христову и искание Царства Божия при неосуждении других людей, близких своих.

Христианство вступило в совершенно новую эпоху, когда нельзя уже будет относиться внешне к своей вере и ограничиться обрядовым благочестием, когда христиане должны будут более серьезно отнестись к осуществлению своего христианства во всей полноте жизни, должны будут защищать свою веру своей личностью, своей жизнью, своей верностью Христу и Его заветам, любовью, противостоящей злобе мира. В нашей православной Церкви сейчас происходит подбор лучших, наиболее искренних, наиболее горячих, наиболее жертвоспособных, наиболее верных Христу, и отпадение тех, которые были лишь внешними православными, бытовыми православными, не понимая смысла своей веры и того, к чему она обязывает. Можно сказать, что кончается время смешения христианства с язычеством и наступает время более чистого христианства. Христианство было очень искажено тем, что оно было господствующей, государственной религией, и Церковь соблазнялась мечом кесаря, к которому прибегала для насилий над теми, которых вера была иной, не согласной с верой господствующей. Поэтому в сознании многих людей христианство перестало быть религией Креста, с христианством связывался образ гонителя, а не гонимого. Христианство слишком многими принималось, как освящение языческого быта без подлинного просветления и преображения. Но теперь наступают времена, когда христианство вновь становится гонимым и потому требуется от христиан больше героизма и жертвенной любви, больше цельности и сознательности в исповедании своей веры. Наступают времена, когда христиане перестанут быть соблазном на пути к христианству.

VII

Христианская вера призывает нас искать превыше всего Царства Божия и божественного совершенства. Но христианской вере чужды мечтательность и утопизм, чужд ложный максимализм. Христианство реалистично и святые отцы всегда призывали к духовной трезвости. Христианское сознание видит все трудности, стоящие на пути совершенной жизни, оно знает, что Царство Божие нудится. Христианство прежде всего призывает нас всегда идти от внутреннего к внешнему, а не от внешнего к внутреннему. Никакими внешними, насильственными путями нельзя достигнуть совершенной жизни личной и общественной. Необходимо внутреннее духовное перерождение. Внутреннее же духовное перерождение есть дело свободы и благодати, никогда не необходимости и принуждения. Совершенных христиан и совершенного христианского общества нельзя создать никаким принудительным способом. Необходимо действительное, реальное изменение душ людей и душ народов. Из того, что люди носят имя христиан, из того даже, что они исповедуют христианскую веру, не следует еще, что они достигли совершенной жизни. Осуществление христианского совершенства в жизни есть бесконечная и трудная задача. Лишь немногие подвижники поднимаются на вершину совершенной христианской жизни.

Отвержение христианства, основанное на несовершенстве и дурных свойствах христиан, есть в сущности незнание и непонимание первородного греха. Для тех, которые сознают первородный грех, делается понятным, что недостойнство христиан может лишь подтвердить, а не опровергнуть достоинство христианства. Христианство есть религия искупления и спасения от греха, христианство возвещает истину о том, что мир во зле лежит и человек греховен. Разные другие учения думают, что можно достигнуть совершенной жизни без действительной, реальной победы над злом. Но христианство этого не думает, христианство требует реальной, духовной победы над злом, духовного перерождения, оно радикальнее других учений и требует большего.

Самой отрицательной стороной христианства в истории было то, что слишком многое и многие носили внешние христианские вывески и знаки, но не были реально христианскими. Нет ничего отвратительнее лжи, притворства и лицемерия. Это-то и вызвало против себя протест и восстание. Государство называлось христианским и носило символы и знаки христианства, но реально христианским не было. То же можно было бы сказать о христианском быте, о христианской науке и искусстве, о христианском хозяйстве и праве, о всей христианской культуре. Всё именовало себя христианским, но этому наименованию не соответствовало реальное преобразование и просветление. Христианством оправдывали даже эксплуатацию человека человеком в жизни социальной, защищали богатых и сильных мира сего. Ветхий языческий человек, в котором клочкотали греховные страсти, жил в христианском мире и призван был к христианскому строительству жизни. Церковь внутренне воздействовала на него, но не могла насильственно победить его ветхой греховной природы. Это есть процесс внутренний, сокровенный и не бросающийся в глаза. Царство Божие приходит неприметно. В христианском мире накопилось много лицемерия и лжи, много условностей и риторики. Это не могло не вызвать против себя восстания. Восстание против христианства и отпадение от христианства нередко бывало лишь правдивым желанием, чтобы всё внешнее походило на внутреннее. Если внутри нет христианства, то и во вне его не должно быть. Если государство, общество, культура внутренне не христианские, то не нужно их и называть христианскими, не нужно притворяться и лгать.

В этом протесте была и своя хорошая сторона — нелюбовь к лжи, любовь к правде. Но наряду с правдивостью и искренностью, с протестом против лжи и лицемерия обнаруживается и новая ложь, новое лицемерие. На том основании, что люди и общество были не реально, не действительно, притворно, лицемерно и внешне христианскими, начали утверждать, что само христианство есть неправда и ложь, и зло людей начали считать злом самого христианства. И при этом, конечно, себя стали считать стоящими на большей высоте, более совершенными и исповедующими более истинное мирозерцание. Вместо лицемерия христианского образуется лицемерие антихристианское. Противники христианства думают, что они лучше христиан, что они более просвещенны и лучше знают истину. В действительности же они соблазненные миром люди, которые отреклись от Истины, потому что были более поражены людскими искажениями Истины, чем самой Истиной. Они хуже христиан, потому что утратили чувство греха. Ницше страстно враждовал против христианства, потому что видел лишь выродившихся внешних христиан, христианства же самого не видел и не понимал.

Христианский мир переживает кризис, который потрясает его до самых первооснов. Христианство внешнее, притворное, лживо-риторическое не может более существовать, оно кончает свой век. Соединение обрядоверия с языческой неправдой жизни уже невозможно. Наступает век подлинного реализма, когда раскрываются первичные реальности жизни и спадают все внешние покровы, когда душа человеческая непосредственно ставится лицом к лицу с тайнами жизни и смерти. Условности внешнего быта, политические и государственные формы, условная внешняя мораль, отвлеченные идеологические

теории теряют уже свое прежнее значение. Человеческая душа хочет проникнуть в глубину самой жизни, хочет знать самое существенное и нужное, хочет жить истиной и правдой.

В наше время под влиянием всех пережитых потрясений нарождаются души, которые прежде всего хотят ничем не прикрытой и не искаженной правды. Человек устал от лжи, от условностей, от внешних знаков и форм, подменивших настоящие реальности жизни. И душа человеческая хотела бы увидеть Истину христианства без посредства той лжи, которую привнесли в нее христиане, хотела бы приобщиться к самому Христу. Из-за христиан забыли о Христе, перестали Его видеть. Христианское возрождение и будет прежде всего обращением к Христу, к самой Христовой Истине, освобожденной от человеческих искажений и приспособлений. Сознание непреодолимости первородного греха не должно ослабить в человеке сознание своей ответственности за дело Христово в мире и парализовать энергию в служении этому делу. Реальное осуществление христианства, Христовой Правды и Христовых заветов представляется иногда людям непосильной, безнадежной задачей. Но ведь само христианство учит нас тому, что одними человеческими силами оно не может быть осуществлено в жизни. Невозможное для человека возможно для Бога. Верующий в Христа знает, что он не один, что Сам Христос с ним и что Правду Христову он призван осуществлять в жизни вместе с самим Христом, своим Спасителем.

*Варшава: Добро, 1928; Париж: YMCA-Press, 1928. 29 с.
(Серия «Христианство, атеизм и современность», №1).*